63 671

...анія Д. И. Тимковскаго.

Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтера и М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Первые князья на Руси.

Очеркъ А. Кабанова.

Цѣна 5 коп.

Москва.
Типографія О. Л. Сомовой, Большая Никитская, д. де-Норманъ.
1902.

Теперь живу
на Руси.

671

Изданія Д. И. Тимковскаго.

Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтера и М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Первые князья на Руси.

Очеркъ А. Кабанова.

Москва.
Типографія О. Л. Сомовой, Большая Никитская, д. де-Норманъ.
1902.

Дозволено цензурою 6 марта 1902 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
597187 V

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ НА РУСИ.

Очеркъ *А. Кабанова.*

Вступленіе.

Наши предки славяне уже съ незапамятныхъ временъ жили на великой Русской равнинѣ. Здѣсь они селились, главнымъ образомъ, по берегамъ рѣкъ Днѣпра и его притоковъ, Западной Двины и Волхова. Лѣтописецъ [1]) называетъ всѣ племена славянъ еще до ихъ объединенія. На западномъ берегу средняго Днѣпра, по его словамъ, жили *поляне*, наиболѣе мирное и промышленное племя; на сѣверо-западъ отъ нихъ, въ дремучихъ лѣсахъ, по южнымъ притокамъ Припети, одного изъ главнѣйшихъ притоковъ Днѣпра, обитали *древляне*—дикое, охотничье племя, не знавшее ни порядка, ни законовъ человѣческихъ. На сѣверъ отъ нихъ, между Припетью и Западной Двиной, жили *дреговичи*. На восточномъ берегу средняго Днѣпра, стало быть, прямо на востокъ, жило

---

[1]) Лѣтописью называется погодная запись событій. У насъ на Руси лѣтописи велись монахами; первымъ русскимъ лѣтописцемъ долгое время считали преподобнаго Нестора, творца житія св. Ѳеодосія Печерскаго, но мнѣніе это оказалось ошибочнымъ, и едва ли можно назвать съ увѣренностью перваго лѣтописца по имени; вѣрнѣй всего, имъ былъ игуменъ Сильвестръ, подпись котораго сохранилась на спискахъ лѣтописи.

племя «сѣверъ» или *сѣверяне;* еще далѣе на востокъ, по притоку Днѣпра Сожу, жили *радимичи*, а за ними, по верхней Окѣ — *вятичи*. Тамъ, гдѣ берутъ начало главныя рѣки нашего государства — Волга, Днѣпръ и Западная Двина, разселилось многочисленное племя *кривичей;* а по самой Двинѣ, посѣвернѣе дреговичей, жили *полочане*, вѣтвь кривичей. Сѣвернѣе всѣхъ изъ славянъ забрались новгородскіе славяне; они жили по озеру Ильменю и рѣкѣ Волхову.

Изъ разсказа лѣтописца видно, что сплошь населена была полоса земли, идущая отъ Волхова до Днѣпра и затѣмъ по самому Днѣпру, вплоть до степей. Эта полоса земли, облегающая съ обѣихъ сторонъ Днѣпръ, жила исключительно этой великой рѣкой. Днѣпръ не только служилъ удобнымъ средствомъ для сообщенія славянъ между собою, но способствовалъ торговлѣ ихъ, которая появилась у нихъ еще до первыхъ князей.

Сосѣдями славянъ на сѣверѣ и востокѣ были различныя финскія племена, съ запада отъ нихъ обитали воинственные и дикіе *литовцы* [2]) и *ятвяги* [3]); югъ Россіи, ея необъятныя, раздольныя степи не мало перевидали разныхъ племенъ, загадочно появлявшихся и загадочно исчезавшихъ. Дикая Азія высылала сюда орды своихъ сыновъ-

---

[2]) Воинственное племя, составившее въ XIV столѣтіи сильное и опасное для московскихъ князей государство; при князѣ Ягайлѣ княжество это, принявъ христіанство по католическому обряду, соединилось съ Польшей.

[3]) Дикое и храброе племя, вошедшее въ составъ литовскаго княжества. Ятвяги жили въ Гродненской губерніи. Происхожденіе ихъ неизвѣстно.

кочевниковъ, здѣсь протекли кровавымъ потокомъ не имѣвшіе, какъ говорили, образа человѣческаго *гунны* [4]), прошли, поработивъ южныхъ славянъ, *авары*, извѣстные нашему лѣтописцу подъ именемъ *обровз*, кочевали казары [5]), торговцы степняки, построившіе себѣ у устья Волги города. Подъ началомъ этого государства славянская торговля расширилась и окрѣпла, русскіе купцы появились и въ Царьградѣ [6]), и на востокѣ. По Руси стали строиться города, которые забирали въ свои руки торговлю; города эти стали подумывать о самозащитѣ, окапывались рвами, окружались частоколомъ; въ нихъ собирался ратный людъ, большею частью изъ пришельцевъ далекой Скандинавіи, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ варяговъ. Уже давно эти храбрые воители проникали на Русь, то чтобы поживиться добычею, то направляясь въ Царьградъ на службу къ греческому императору; плыли они съ родного имъ Балтійскаго моря на югъ черезъ Ладогу, Волховъ, Днѣпромъ къ Черному морю, этимъ великимъ путемъ «изъ варягы въ греки», который имѣлъ для того времени исключительное значеніе. Здѣсь по дорогѣ они поступали на военную службу въ

---

[4]) Гунны, кочевое племя, неизвѣстнаго происхожденія. Въ V вѣкѣ по Р. Х. они, подъ начальствомъ царя своего Атиллы, прозваннаго Бичемъ Божьимъ, ужаснули и поработили всю Европу.

[5]) Казарское государство располагалось по южной Волгѣ и Дону. Казары не были отдѣльнымъ племенемъ; религія ихъ также была разная: были и христіане, и мусульмане, и евреи. Кагалы, т.-е. князья еврейскіе, исповѣдывали іудейскую религію.

[6]) Царьградомъ назывался Константинополь, столица греческой имперіи, покоренный потомъ турками. Иначе она звалась Византіей.

торговые города, расположенные по берегамъ рѣкъ, составляли ихъ дружины, отражали ихъ враговъ, въ большинствѣ случаевъ кочевниковъ степи. Но вотъ въ городахъ все болѣе и болѣе накопляется варяговъ, и совершается съ перваго взгляда довольно странное явленіе: жалованье по соглашенію обращается въ дань по принужденію, вмѣсто воиновъ-наемниковъ, являются князья-повелители. Такъ появились на Руси первые русскіе князья.

I.

Княженіе Рюрика въ Новгородѣ. Кіевскіе князья Аскольдъ и Диръ.

Варяги, двигаясь съ сѣвера на югъ, съ Балтійскаго моря къ морю Черному, прежде всего подчиняли себѣ сѣверныя племена: кривичей съ полочанами и новгородскихъ славянъ. Именно такъ разсказываетъ и лѣтопись: когда еще южане—поляне, сѣверяне и другіе, подчинены были казарамъ и имъ платили дань, на сѣверѣ владычествовали варяги. Должно быть, тяжело было это владычество, не выдержали его сѣверные славяне и прогнали своихъ повелителей. Прогнали они варяговъ, и стало имъ еще хуже, «и не было въ нихъ правды, читаемъ въ лѣтописи; родъ возсталъ на родъ, начались усобицы и войны». Тогда они рѣшили вновь призвать къ себѣ князей, чтобы княжили надъ ними по праву. Послы славянъ отправились за море къ варягамъ и предлагали тамъ княженіе: «земля наша, говорили они, велика и

обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». На этотъ призывъ отозвались три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Собрались они со всѣмъ своимъ родомъ и отправились на востокъ за море; но видно, не слишкомъ довѣряли они призвавшимъ ихъ славянамъ, еще свѣжо было въ ихъ памяти, какъ эти же самые славяне прогнали своихъ прежнихъ правителей. Рюрикъ не дошелъ до Новгорода и остановился въ Ладогѣ, выжидая; Синеусъ сталъ княжить на Бѣлоозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Всѣ три брата тотчасъ же начали войны съ ближайшими племенами; принуждали давать себѣ дань и строили города. Вскорѣ младшіе братья умерли; Рюрикъ взялъ въ свои руки ихъ владѣнія и только тогда рѣшился перейти въ Новгородъ. Но тутъ-то и оказалось, что его осторожность имѣла основаніе. Въ Новгородѣ противъ его жизни устроенъ былъ заговоръ, во главѣ котораго всталъ какой-то Вадимъ. Узнавъ объ этомъ, Рюрикъ оружіемъ смирилъ недовольныхъ и убилъ Вадима съ его соумышленниками. Но послѣ этого смуты не прекратились, много народу бѣжало изъ Новгорода на югъ: видно, не легко было переносить власть Рюрика. И въ это же время на югѣ въ небольшомъ городкѣ Кіевѣ образовалось новое варяжское княжество. Преданіе, записанное лѣтописцемъ, говоритъ, что первыми кіевскими князьями были два воина изъ дружины Рюрика, по имени Аскольдъ и Диръ. Они выпросились у Рюрика итти со своимъ родомъ въ Царьградъ и, плывя по Днѣпру, увидали Кіевъ; онъ такъ понравился имъ, что

они рѣшили въ немъ и остаться. Городокъ этотъ былъ построенъ еще до нихъ, среди полянъ какими-то тремя братьями, Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ; отъ нихъ-то и пошли названія самого города и горъ въ немъ —Щековицы и Хоревицы; а рѣка Лыбедь называлась такъ будто бы по имени сестры ихъ Лыбеди.

Прибывъ въ Кіевъ и оставшись княжить въ немъ, Аскольдъ и Диръ сильно увеличили его значеніе. Племя полянъ, среди котораго они поселились, не было воинственнымъ, и потому его сильно обижали и сосѣди его древляне и степняки кочевники. Аскольдъ и Диръ удачно воевали съ этими племенами, сталкивались и съ дунайскими болгарами [7]). Этими войнами и твердымъ правленіемъ Аскольдъ и Диръ достигли такого вліянія на окрестныя племена, что имѣли возможность замыслить и исполнить смѣлый планъ нападенія на Царьградъ. Храбрецы проплыли Днѣпромъ въ Черное море, а оттуда къ берегамъ Босфора, гдѣ расположилась столица греческой имперіи. Впервые передъ испуганными жителями Византіи появились многочисленныя ладьи дикихъ и храбрыхъ руссовъ, и если бы не буря, которая помогла грекамъ, разметавъ славянскія ладьи, Царьграду пришлось бы отвѣдать силу русскаго меча. Сохранилось преданіе, что послѣ этого похода

---

7) Болгары Балканскаго полуострова назывались дунайскими въ отличіе отъ болгаръ волжскихъ (тюркскаго племени), жившихъ по низовью Волги (которая и получила отъ нихъ свое названіе). Часть волжскихъ болгаръ, тѣснимая казарами, перешла на Балканскій полуостровъ и, смѣшавшись здѣсь съ туземцами, образовала славянское племя, живущее тамъ и доселѣ.

Аскольдъ и Диръ приняли христіанство. Но вскорѣ послѣ возвращенія кіевскихъ князей изъ византійскаго похода наступилъ конецъ ихъ владычеству.

II.

Княженіе Олега.

Сѣверные новгородскіе князья значительно усилились; вскорѣ послѣ похода Аскольда въ Новгородъ умеръ Рюрикъ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Игоря.

Во главѣ правленія сталъ родственникъ Рюрика, Олегъ. На сѣверѣ, отъ Ладоги до Новгорода, все было подвластно новгородскому князю; Олегъ двинулся на югъ. Онъ прежде всего встрѣтилъ кривичей, взялъ ихъ городъ Смоленскъ и посадилъ туда своего приближеннаго градоправителемъ; перешелъ въ землю сѣверянъ и съ ихъ городомъ Любичемъ поступилъ такъ же.

Затѣмъ онъ вступилъ въ землю полянъ и достигъ Кіева. Олегъ здѣсь пошелъ на хитрость; онъ послалъ сказать Аскольду и Диру, что пришли ихъ родичи, купцы отъ Олега и Игоря, и хотятъ съ ними повидаться.

Аскольдъ и Диръ, обманутые этимъ посольствомъ, вышли къ Олегу, но тотчасъ же были окружены воинами Олега: „Вы не князья“, сказалъ имъ Олегъ: „вы не княжьяго рода. А вотъ князь, сынъ Рюриковъ“, добавилъ онъ, подымая на руки Игоря. Кіевскіе князья были убиты, и Олегъ захватилъ Кіевъ.

Олегъ—первый русскій князь, личность котораго достаточно ясна для насъ.

Потомство представляло его необыкновенно хитрымъ княземъ и одаряло его даже сверхъестественной силой; такъ изображали его народные пѣвцы—„сказатели“, которые и донынѣ на крайнемъ сѣверѣ поютъ старинки или былины о богатыряхъ земли Русской. Въ былинѣ „о Вольгѣ“ пѣли они о вѣщемъ князѣ, который могъ, по желанію, обернуться то въ волка, то въ сокола и всѣ подвиги совершалъ, благодаря хитрости своей. Этотъ народный князь—оборотень Вольга—историческій Олегъ. И дѣйствительно, хитрость, вѣрно подмѣченная лѣтописцемъ и усиленная въ былинахъ, была основной чертой Олегова характера.

Захвативъ Кіевъ, Олегъ остался въ немъ. „Кіевъ будетъ матерью рускихъ городовъ“, сказалъ онъ и сдѣлалъ Кіевъ своею столицею. Выборъ былъ хорошъ. Находясь какъ разъ на границѣ враждебной степи, Кіевъ служилъ боевымъ оплотомъ южныхъ славянъ; недалеко отъ него впадали главные притоки Днѣпра—Десна и Припеть, такъ что онъ тянулъ къ себѣ товары всей тогда заселенной славянской земли. Мало того, Кіевъ былъ не только мѣстомъ прохода товаровъ, но и мѣстомъ постоянныхъ остановокъ купцовъ передъ опаснымъ вступленіемъ въ степь. Держа въ своихъ рукахъ верхъ великаго варяжскаго пути и Новгородъ и Ладогу и владѣя также его перепутьемъ—Кіевомъ, великій князь держалъ всю торговую Русь въ своихъ рукахъ.

Изъ новой своей столицы Олегъ продолжалъ дѣ-

ло своего предшественника; укрѣплялъ свои границы на югѣ и расширялъ на востокѣ и на западѣ. Онъ построилъ много городовъ, подчинилъ себѣ много племенъ. Прежде всего онъ направился на постоянныхъ, опасныхъ враговъ полянъ—древлянъ. Побѣдивъ ихъ, пошелъ на сѣверянъ, которые, какъ и радимичи, платили дань казарамъ. Олегъ покорилъ и тѣхъ и другихъ. Покорилъ онъ и южныя племена славянъ: дулѣбовъ, когда-то сильное стоявшее во главѣ многочисленнаго славянскаго союза племя, которое послѣ погрома аваровъ (по лѣтописи обровъ) стушевалось и ослабѣло, тиверцевъ и хорватовъ. Не мало прибавилось силы у великаго князя кіевскаго послѣ этихъ завоеваній; да и онъ въ глазахъ сосѣдей-славянъ пріобрѣлъ значеніе сильнаго вождя.

Олегъ, покоривъ себѣ окрестныя племена, заботился объ ихъ управленіи; онъ оставлялъ въ главномъ городѣ покоренной области своего мужа—посадника съ дружиною.

Посадникъ этотъ былъ почти во всемъ самостоятельнымъ властителемъ ввѣренной ему области, только обязанъ былъ собирать дань съ нея въ пользу великаго князя.

Въ этой дани великому князю и выражалась зависимость области отъ Кіева: чѣмъ больше число дани, тѣмъ зависимѣе было ея положеніе. Дань бралась натурою, болѣе всего мѣхами. Но кой гдѣ, хотя и рѣдко, дань выплачивалась гилягами, т. е. тогдашнею звонкою монетою. Иногда данники сами привозили дань князю въ Кіевъ; такой сборъ назывался повозомъ.

Иногда князь самъ ѣздилъ по областямъ, главнымъ образомъ, для сбора дани, но попутно наблюдалъ за дѣломъ управленія областей и за судебными тяжбами своихъ подданныхъ. Полюдья, такъ назывались подобныя поѣздки князя, совершались въ ноябрѣ по установившемуся зимнему пути.

Князь объѣзжалъ всѣ подвластныя племена, собирая съ нихъ дань, и въ этомъ занятіи проходила вся зима. Въ то же время окрестныя племена, платившія дань Руси [8]), рубили деревья, готовили лодки, на которыхъ уже весною спускались рѣками и озерами къ Кіеву, гдѣ поджидали князя съ дружиною. Весной же Русь съ набранной данью подходила къ Кіеву, покупала приготовленныя лодки, грузила ихъ только что собранной данью и цѣлымъ рѣчнымъ караваномъ, присоединивъ къ себѣ лодки вольныхъ купцовъ Новгорода, Смоленска и другихъ городовъ, спускалась по Днѣпру къ Константинополю. Въ іюнѣ выплывалъ изъ Кіева этотъ военно-торговый караванъ; онъ плылъ до укрѣпленной крѣпости Витечева; здѣсь дружина и купцы выжидали два-три дня, пока къ нимъ не примкнутъ отставшіе или только что прибывшіе изъ окрестностей. Отсюда плыли къ порогамъ.

Днѣпровскіе пороги—верхи гранитнаго кряжа,

---

[8]) Слово „Русь“ въ разное время значило разное. Прежде всего словомъ этимъ называли племя варяговъ—побѣдителей. Послѣ уже при князьяхъ, словомъ этимъ обозначали высшій классъ общества, такъ какъ его, главнымъ образомъ, составляли варяги—Русь. Позднѣе Русью называли кіевскую область, гдѣ сосредоточивались по преимуществу пришлые варяги, и только ужъ въ XI и XII вѣкѣ слово это получило значеніе общее для всего пространства подвластнаго великимъ князьямъ кіевскимъ.

преградившаго собою все теченіе рѣки. Съ шумомъ ударяется вода о камни порога и бѣда путнику, наткнувшемуся на эти скалы. Русь боялась пороговъ и обходила ихъ по сушѣ, неся на себѣ ладьи и гоня передъ собой невольниковъ, торговля которыми была въ то время очень распространена и прибыльна. Подплывая къ четвертому порогу, страшному Неясить, т. е. ненасытный, Русь попрежнему вытаскивала ладьи на берегъ, но здѣсь еще другая опасность грозила имъ. Съ крутого днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять всю дружину и торговцевъ, а врагами славянъ - Руси было въ то время кочевое, разбойничье племя печенѣговъ, прорвавшееся сквозь казарскія укрѣпленія и наводнившее степь.

Противъ нихъ высылался сторожевой отрядъ, который отражалъ непріятелей въ то время, какъ купцы съ товарами огибали по берегу страшный порогъ.

Потомъ всѣ вновь садились въ ладьи и плыли далѣе; попрежнему выходили на берегъ, огибали пороги. Вотъ и устье Днѣпра. Здѣсь въ благодарность за счастливый проходъ пороговъ Русь приносила жертвы богамъ своимъ. Далѣе по морю плыли около берега мимо устья Дуная; здѣсь вновь высылался военный отрядъ, который бился съ поджидавшими его печенѣгами. Такимъ тяжелымъ путемъ шли русскіе купцы; не мало погибало ихъ по дорогѣ то въ страшныхъ быстринахъ, то въ стычкахъ съ враждебными кочевниками.

Прибывъ въ Византію лѣтомъ, русскіе купцы торговали тамъ до зимы, а на зиму никто изъ

нихъ не оставался въ Греціи. Изъ-за разныхъ недоразумѣній между русскими купцами и византійцами возникали войны между Русью и Грецією. Такъ Аскольдъ и Диръ ходили на Царьградъ изъ-за обидъ, нанесенныхъ русскимъ купцамъ. Также поступилъ и Олегъ.

Окрѣпнувъ и собравъ подъ свою власть многія славянскія племена, онъ задумалъ походъ на Царьградъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что подъ его началомъ собралось до 80 тысячъ воиновъ на 2 тысячахъ корабляхъ. Здѣсь были и поляне, и дикіе древляне, и сѣверяне изъ-подъ Чернигова, и кривичи изъ-подъ Смоленска, и южные дулѣбы, хорваты и тиверцы; тутъ же собралась и чудь, и далекая меря, и храбрые варяги. Велика была рать Олега; испугались его греки, заперли они городъ, замкнувъ его гавань.

Олегъ бросился на окрестности города; жегъ церкви и дома, хваталъ и мучилъ жителей. Потомъ онъ, какъ говоритъ преданіе, велѣлъ поставить ладьи на колеса и при попутномъ вѣтрѣ двинулся на парусахъ къ Царьграду. Испугались греки ужасно: „дадимъ тебѣ дань, какую хочешь“, сказали они вѣщему князю. Остановился Олегъ, а греки прислали ему, въ видѣ подарка, всякихъ кушаній и напитковъ съ отравою. Но Олегъ догадался объ ихъ хитрости и не дотронулся ни до кушаній, ни до напитковъ. „Это не Олегъ“, говорили греки въ ужасѣ, „это св. Дмитрій, посланный на насъ Богомъ“.

Отправивъ своихъ пословъ, Олегъ условился съ императоромъ византійскимъ относительно дани: съ

Царьграда по 12 гривенъ [9]) на карабль, да еще въ придачу на каждый русскій городъ, гдѣ сидѣли Олеговы посадники, на Кіевъ, Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и на другіе.

Но не только дань выговорилъ себѣ Олегъ, онъ позаботился и о купцахъ русскихъ. Онъ выговорилъ имъ мѣсячину [10]) на 6 мѣсяцевъ; они могли въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ когда угодно мыться въ баняхъ, и на обратный путь императоръ снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ, какъ съѣстнымъ запасомъ, такъ и корабельными снастями. Останавливаться купцы должны были, по Олегову договору, у монастыря св. Маммы, близъ Царьграда, такъ какъ греки боялись непокорныхъ и своевольныхъ руссовъ въ самомъ городѣ. Договоръ этотъ былъ подтвержденъ съ обѣихъ сторонъ. Императоры Леонъ и Александръ цѣловали на немъ крестъ, а Олегъ съ дружиною, какъ язычникъ, клялся по-своему богами своими: Перуномъ и Велесомъ, да оружіемъ своимъ. Черезъ четыре года договоръ этотъ утвержденъ былъ послами Олега, которые учредили миръ и рядъ [11]) съ греками. Здѣсь говорилось о случаяхъ убійства и воровства, о корабляхъ, занесенныхъ въ русскія или греческія воды; о невольникахъ, которые взаимно выкупались, и наконецъ о личной службѣ русскихъ византійскому императору и о наслѣдованіи имущества такого служащаго.

---

[9]) Гривна значила фунтъ, при чемъ вѣсъ этого фунта былъ разный—отъ $^1/_2$ до $^1/_4$ нынѣшняго.

[10]) Мѣсячный кормъ.

[11]) Рядъ—уговоръ. Въ данномъ случаѣ уговоръ, какъ поступать при столкновеніяхъ русскихъ съ греками.

Послы вернулись въ Кіевъ въ 912 г.; въ этомъ же году не стало „вѣщаго“ князя. Гдѣ умеръ этотъ сказочный князь, мы не знаемъ. На сѣверѣ, въ Ладогѣ, по словамъ лѣтописца, находилась его могила, но другіе говорили, что онъ и умеръ и похороненъ въ Кіевѣ. Изъ этого разнорѣчія преданій видно, какъ уважаемъ былъ этотъ князь: и сѣверъ и югъ стараются присвоить себѣ мѣсто его погребенія. О самой смерти князя сложилось тоже преданіе, столь же сказочное, какъ сказоченъ былъ самъ князь—оборотень. Передавали, что князь часто спрашивалъ у кудесниковъ: [12]) какой смертью ему суждено умереть? Одинъ кудесникъ предсказалъ ему смерть отъ его любимаго коня. Князь, подумавъ, что конь его сброситъ съ себя и оттого и приключится его смерть, рѣшилъ совсѣмъ разстаться съ нимъ, пересталъ на немъ ѣздить, приказавъ его холить попрежнему. Конь умеръ. Насмѣялся Олегъ надъ кудесникомъ и поѣхалъ на могилу любимой лошади. Отъ трупа животнаго остались однѣ кости. „Такъ вотъ отчего придется мнѣ умереть“, сказалъ князь, наступая ногой на черепъ когда-то славнаго коня. Но не успѣлъ онъ договорить послѣднихъ словъ, какъ вдругъ поблѣднѣлъ и зашатался, ужаленный въ ногу выползшею изъ черепа лошади змѣею. Такъ совершилось предсказаніе кудесника [13]).

---

[12]) Люди, которые якобы знали будущее.

[13]) Пусть вспомнитъ по этому случаю читатель прекрасное стихотвореніе Пушкина „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

III.

Княженіе Игоря.

Преемникомъ Олега былъ Игорь, сынъ Рюрика. Во время похода Олега къ югу, онъ былъ еще младенцемъ. Впослѣдствіи Олегъ привелъ ему изъ Пскова жену Ольгу. По смерти Олега Игорю тотчасъ же пришлось взяться за оружіе. Возстали древляне. Мечемъ принудилъ къ покорности ихъ сынъ Рюрика, и еще большая дань была наложена на нихъ. Потомъ Игорь дважды ходилъ къ Греціи; первый разъ это было скорѣе набѣгомъ небольшой шайки, чѣмъ походомъ цѣлой страны, какъ это было при Олегѣ. И на морѣ и на сушѣ былъ разбитъ Игорь. Греческій огонь [14]) безжалостно истребилъ русскій флотъ, а истомленное морскимъ сраженіемъ войско руссовъ было разбито на сушѣ греческими отрядами. Съ трудомъ князь ушелъ съ остатками своей дружины отъ преслѣдованія. Вернувшись домой и нѣсколько оправившись, Игорь тотчасъ же сталъ готовиться къ новому грозному для грековъ походу. Не съ шайкой удальцовъ задумалъ онъ итти на Грецію, какъ прежде, но поднялъ на имперію всѣ подвластныя племена; онъ нанялъ варяжскія дружины и дикихъ печенѣговъ, приготовилъ множество кораблей и двинулся въ походъ.

Императора извѣстили о походѣ Игоря. Боясь русскихъ или не желая разорительной войны съ

---

[14]) Греческимъ огнемъ называлось взрывчатое вещество, составъ котораго доселѣ не разгаданъ. Греки забрасывали имъ своихъ непріятелей, чѣмъ наводили на нихъ не малый ужасъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ними, императоръ послалъ Игорю богатые дары, прося мира и обѣщая платить еще больше дани, чѣмъ при Олегѣ. Игорь согласился и вышелъ изъ греческой земли, отдавъ Болгарію печенѣгамъ. Черезъ годъ былъ заключенъ новый договоръ, далеко не столь выгодный для русскихъ, какъ Олеговъ; здѣсь уже почти повсюду стоятъ опредѣленія: „по уставу грецкому“. Договоръ этотъ былъ также клятвенно подтвержденъ съ обѣихъ сторонъ, при чемъ часть игоревой дружины клялась по христіанскому обычаю, въ кіевской церкви св. Иліи. Изъ этого видно, что христіанство было довольно обычнымъ на Руси въ то время. Очевидно, что торговыя сношенія и нерѣдкія пребыванія русскихъ въ Византіи дѣйствовали на религіозное воображеніе ихъ и склоняли многихъ изъ жителей Руси къ принятію христіанства.

Въ княженіе Игоря сильно выдвинулся нѣкій Свѣнельдъ, искусный воинъ старшей дружины князя.

Древній князь и воевалъ, и правилъ съ своими товарищами—дружиною. Дружинниковъ себѣ князь вербовалъ отовсюду безъ различія рода и племени: чтобы попасть къ нему въ дружину требовались лишь храбрость да искусство въ бою. Въ мирное время дружина кормилась возлѣ князя; съ ней совѣтовался онъ обо всемъ, съ нею дѣлилъ все, что пріобрѣталъ на войнѣ. Вся дружина дѣлилась на старшихъ дружинниковъ, лучшихъ бойцовъ и опытныхъ совѣтниковъ княжеской думы, и на простыхъ ратниковъ „гридей“. Изъ числа самыхъ опытныхъ дружинниковъ „бояръ“ и былъ Свѣнельдъ. Онъ взялся собирать дань и усмирять не-

покорныхъ; такъ онъ покорилъ уличей и взялъ ихъ городъ Пересѣченъ. Отъ этихъ удачныхъ войнъ дружина Свѣнельда была всегда богата, такъ что ей завидовали даже великокняжескіе воины.

„Мы наги, князь, жаловались они Игорю, а Свѣнельдовы отроки богаты всѣмъ: и оружіемъ, и одеждою; пойдемъ собирать дань, и ты добудешь и мы!“ Послушался ихъ Игорь и пошелъ въ древлянскую землю. Больше прежняго взялъ онъ съ древлянъ, много насилія причиняла его дружина; на обратномъ пути не выдержалъ Игорь: корыстолюбіе въ немъ заговорило. „Вы идите съ данью въ Кіевъ, сказалъ онъ дружинѣ, а я похожу еще“, и, отобравъ небольшой отрядъ, онъ возвратился назадъ. „Повадится волкъ къовцамъ въ стадо, перетаскаетъ все, пока его не убьютъ“, говорили жители древлянскаго города Коростеня, куда шелъ за данью Игорь. Согласился съ ними и ихъ князь Малъ. „Зачѣмъ идешь опять, спросилъ онъ Игоря, вѣдь ты взялъ всю дань“. Но Игорь потребовалъ еще. Коростенцы напали на него, схвативши его со всей его дружиною, убили всѣхъ, а самого князя, привязавъ къ верхушкамъ двухъ деревьевъ, разорвали на части. Такъ погибъ сынъ Рюрика Игорь за свое корыстолюбіе.

Въ то время, какъ Олегъ и Игорь заботились о черноморской торговлѣ, на востокѣ Россіи въ предѣлахъ казарскаго государства дѣйствовали другія ватаги руссовъ, отважныхъ грабителей. Они отправлялись на многихъ судахъ по Каспію, грабя и разоряя прибрежныя села. Такъ, при Игорѣ большой отрядъ этихъ донскихъ руссовъ-разбойни-

ковъ на 500 судахъ, съ разрѣшенія казарскаго кагана, прошли въ Каспій и долгіе мѣсяцы были грозою окрестныхъ жителей Кавказа. Только ужъ на обратномъ пути они были настигнуты мусульманами-казарами, мстившими за смерть своихъ кавказскихъ единовѣрцевъ, и послѣ трехдневнаго страшнаго боя были совершенно уничтожены. Въ другой разъ они спустились по рѣкѣ Курѣ и захватили, несмотря на сопротивленіе, богатый городъ Бердаа, принадлежащій арабамъ. Долгое время оставались тамъ руссы побѣдителями, да и побѣдили ихъ не враги въ открытомъ бою, а погубила неумѣренность въ пищѣ, да хитрость непріятеля, заманившая ихъ въ засаду. Только часть руссовъ ушла. Ослабленная этими походами, донская Русь не могла уже существовать самостоятельно и подчинилась днѣпровской, кіевской Руси.

IV.

Ольга-правительница.

Игорь былъ убитъ. По обычаямъ страны за убійство должны были отомстить родные убитаго. Но единственный сынъ его Святославъ былъ еще ребенкомъ, а потому за священныя родовыя права мести взялась жена убитаго князя Ольга. Жестоко, безжалостно отомстила Ольга за мужа своего. Сами древляне помогли ей. Надѣясь на усобицу въ кіевской землѣ, они гадали уже выдать Ольгу за князя своего Мала и съ тѣмъ послали къ Ольгѣ посольство. «Люба мнѣ ваша рѣчь, сказала хитрая княгиня, вѣдь мужа своего мнѣ не воскресить. Хочу васъ

завтра почтить; когда придутъ васъ звать ко мнѣ, скажите: не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, ни пѣшкомъ не идемъ, несите насъ на ладьѣ. И понесутъ васъ на ладьѣ съ почетомъ». Довольные древляне отправились къ своимъ ладьямъ. А Ольга велѣла выкопать за ночь глубокую яму на теремномъ двору. Утромъ послала она за древлянами, и когда ихъ, по уговору, принесли на ладьѣ, приказала бросать въ ровъ. «Довольны ли вы честью»,— спросила Ольга. «Хуже Игоревой смерти»,— отвѣчали древлянскіе послы. Но этого было мало мстительной женщинѣ. «Если вы ждете меня къ себѣ, послала она сказать древлянамъ, то пришлите мнѣ лучшихъ мужей вашихъ, чтобъ съ великою честью прибыла къ вамъ, не то меня кіевляне не отпустятъ». Пріѣхали и эти послы, лучшіе люди всей земли, ея правители. Истопила баню Ольга для дорогихъ гостей, да когда они тамъ мылись, заколотила двери, подожгла баню и сгорѣли въ ней всѣ лучшіе люди древлянскіе. На новую хитрость пустилась жестокая княгиня. «Ѣду къ вамъ, извѣщала она древлянъ, я уже на пути; хочу въ Коростенѣ на могилѣ мужа справить тризну [15]). Варите меды, я буду скоро». И дѣйствительно, съ небольшой дружиною пришла Ольга къ могилѣ Игоря. Здѣсь она насыпала курганъ [16]) и устроила тризну. Древляне сильно пили, не замѣчая, что дружинники Ольги только угощаютъ ихъ. Но вотъ они опьянѣли; дружина Ольги бросилась на нихъ,

---

15) Тризна—языческій обрядъ поминанія умершаго.

16) Курганомъ называлось возвышеніе, насыпанное надъ могилой покойника.

и началась рѣзня. 5000 древлянъ остались на мѣстѣ. Послѣ этого ужъ Ольга рѣшилась дѣйствовать открытой силой. Собрала она войско и съ малолѣтнимъ Святославомъ пошла на древлянъ. Древляне стали противъ нея. Первый началъ битву самъ князь Святославъ; онъ бросилъ копье, которое тутъ же у ногъ лошади и упало. «Потянемъ, дружина, за княземъ",—закричали воевода Свѣнельдъ и дядька князя Асмудъ. Древляне, разбитые на голову, бѣжали и заперлись по городамъ. Ольга пошла на Коростень. Коростенцы держались крѣпко; знали они, какъ мститъ Ольга, и боялись ея пуще смерти. Все лѣто стояла Ольга подъ Коростенемъ; видитъ, что силой не взять, опять пустилась на хитрость; убѣдила коростенцевъ, что месть ея удовлетворена, что съ нихъ она возьметъ только дань, да и то легкую: лишь по три голубя, да по три воробья со двора. Повѣрили коростенцы, обрадовались, собрали голубей и воробьевъ и послали ихъ Ольгѣ, а сами остались въ городѣ, какъ приказала имъ Ольга. Но вдругъ одинъ за другимъ загорѣлись всѣ дома коростенскіе. Загорѣлась голубятня, за ней вспыхнула клѣть, глядятъ, и самъ домъ ужъ пылаетъ; бросятся сюда, въ десяткахъ мѣстъ загорается тоже. Отомстила Ольга кровавою страшною местью. Къ хвостамъ голубей и воробьевъ она привязала куски сѣры съ огнемъ, пустила ихъ, и птицы, конечно, прилетѣли на старыя гнѣзда; отъ нихъ загорѣлись дома, загорѣлись разомъ, такъ что и гасить-то было некому. Испуганные древляне, выбѣгали на улицу, гдѣ ихъ ждала дружина княгини: чего не сдѣлалъ огонь,

то доканчивалъ мечъ. Послѣ своей страшной мести, Ольга наложила еще большую дань на древлянъ, при чемъ третью часть взяла въ свою казну въ Вышгородъ, и вернулась въ Кіевъ, свершивъ свой долгъ, по понятіямъ тогдашняго времени. Эта необыкновенная хитрость сродняетъ Ольгу съ княземъ хитрецомъ, вѣщимъ Олегомъ. Но кромѣ хитрости, она, какъ и онъ, считалась нарядницей земли русской. Здѣсь она, разъѣзжая на полюдье, ставила дани и погосты, какъ бы установленныя мѣста, гдѣ въ извѣстное время творился великокняжескій судъ и куда жители свозили окружную дань. Кромѣ этого она назначала уставы и уроки на становища и ловища, т. е. отводила нѣкоторыя мѣста для своихъ остановокъ или охоты и опредѣляла отношенія подчиненныхъ къ князю (уставы), а также временныя ихъ обязанности по дани, какъ денежной, такъ и натуральной или же по работѣ ихъ на княжескій дворъ и т. д. (уроки). Главнѣйшимъ событіемъ въ жизни Ольги было принятіе ею крещенія въ Константинополѣ. Была ли она расположена къ этому еще раньше въ Кіевѣ, или же великолѣпіе восточной церкви, привлекшее не малое число простыхъ, грубыхъ воиновъ-руссовъ, сразу повліяло и на нее, мы этого не знаемъ. Въ Константинополь Ольга пріѣхала, должно быть, изъ любопытства, возбуждаемаго разсказами бывальцевъ о величіи греческой имперіи. Пріемъ она получила далеко не родственный, скорѣе даже сухой; садилась она за столъ не съ царской фамиліей, а съ знатными греческими женщинами. Да и дары, ею полученные, были, должно быть, не слиш-

комъ велики: хотя русскій лѣтописецъ называетъ ихъ богатыми, но греческій историкъ насчитываетъ ихъ не болѣе, какъ на сумму 60 червонцевъ. При крещеніи воспріемникомъ ея былъ императоръ Константинъ Багрянородный. Объ отношеніяхъ его къ Ольгѣ преданіе разсказываетъ много занимательнаго. Говорятъ, что еще до крещенія, онъ предложилъ руку свою русской княгинѣ. Хитрая вдова, не сказавъ ни да, ни нѣтъ, просила императора быть ея воспріемникомъ при купели. Тотъ согласился, и вотъ, сейчасъ какъ совершилось надъ Ольгою священное таинство, онъ вторично проситъ у новообращенной Елены (христіанское имя Ольги) ея руки, но Ольга намекнула ему, что, по христіанскому закону, воспріемная дочь не можетъ быть женой своего воспріемника. Такъ обошла Ольга предложеніе императора. И здѣсь мы видимъ, что, какъ и Олегъ, Ольга хитритъ съ греками и беретъ надъ ними верхъ. Ольга, принявъ христіанство, не могла обратить въ истинную вѣру весь народъ свой; это она чувствовала еще въ Константинополѣ. „Народъ и сынъ мой язычники. Какъ-то уберегусь отъ зла“, говорила она грекамъ. И вѣрно: сынъ ея Святославъ, уже сильно возросшій, по характеру своему безпокойному и воинственному, не былъ склоненъ къ мягкому ученію Христа. На всѣ убѣжденія Ольги онъ твердилъ только: „Какъ мнѣ одному принять христіанскій законъ? Дружина станетъ надо мною смѣяться“. Изъ этихъ словъ Святослава ясно, что христіанство въ Кіевѣ значительно распространилось, такъ что на послѣдователей его уже не смотрѣли безразлично, какъ

при Игорѣ, въ дружинѣ надъ ними уже подсмѣивались; но все же оно не было еще настолько сильно, чтобы побѣдить язычество, религію предковъ, во всемъ кіевскомъ государствѣ. Не пришло еще его время, и Ольга это чувствовала.

V.

Княженіе Святослава.

Князь Святославъ, собственно говоря, никогда не былъ княземъ-правителемъ; какъ и прежде, въ его малолѣтство правила всѣмъ Ольга, такъ и потомъ по причинѣ его постоянныхъ войнъ правленіе оставалось въ рукахъ его матери или его дѣтей. Это былъ князь-полководецъ, неутомимой воинъ-рубака. Какъ хитрость отличала вѣщаго Олега, такъ Святослава отличала его прямота. „Иду на васъ“ посылалъ сказать онъ непріятелю. Походы свои онъ совершалъ съ отборной дружиной, въ которую входилъ и славянинъ, и литовецъ, и финнъ, и венгръ безъ различія племени, но съ непремѣннымъ условіемъ безусловной храбрости. Походы эти отличались необычайной быстротой; воевалъ онъ, говоритъ лѣтописецъ, ходя легко какъ барсъ. Обозъ не стѣснялъ его движеній; безъ шатровъ располагался онъ на отдыхъ; конскій потникъ служилъ ему и его воинамъ подстилкой при отдыхѣ, сѣдло — изголовьемъ.

Бурно пронеслось княженіе этого воинственнаго князя. Въ войнахъ видѣлъ онъ свое счастіе и повсюду искалъ возможности воевать. Какъ ураганъ, налетѣлъ онъ на торговыхъ казаръ, мстя имъ за

убіеніе приазовскихъ руссовъ. Разбивъ ихъ и взявъ ихъ городъ Бѣлую Вѣжу, онъ бросился дальше; покорилъ прикаспійскія племена, ясовъ, косоговъ, разрушилъ торговые города волжскихъ болгаръ и ихъ столицу Болгары. Возвращаясь домой, напалъ на вятичей—данниковъ казаръ и наложилъ на нихъ дань. Теперь, когда всѣ сосѣди были ужъ покорены, народы востока устрашены и разграблены, куда было обратиться его удальству, гдѣ взоръ его, ищущій войны и убійствъ, нашелъ бы себѣ утоленіе? Какіе народы почувствовали бы его тяжелую руку?—трудно рѣшить, такъ какъ неожиданное событіе измѣнило его намѣренія. Въ Кіевъ прибылъ посолъ византійскаго императора Никифора Фоки, нѣкій благородный мужъ Калокиръ. Стѣсненный и съ востока и съ сѣвера, императоръ искалъ дружбы храбраго князя и звалъ его на Дунай. Калокиръ, подружась съ Святославомъ, подбивалъ его на смѣлыя, но раскованныя предпріятія: завоевать Болгарію и помочь самому Калокиру занять императорскій престолъ. Недолго разсуждалъ князь; слишкомъ ужъ заманчивъ казался для него этотъ походъ, сулившій ему и утоленіе удали, и славу, и богатство; неудобства его онъ не видѣлъ, опасности презиралъ. Съ обычной быстротой явился онъ въ Болгарію, стремительно завоевалъ ее всю и сталъ княжить въ придунайскомъ городѣ Переяславцѣ, забывъ о Руси, о матери, о дѣтяхъ...

Между тѣмъ горько было на Руси. Дикіе печенѣги, ободренные отсутствіемъ князя, подступили къ самому Кіеву, гдѣ заперлась Ольга со своими

внуками. Войско было мало, надежды на спасеніе не было. На другой сторонѣ Днѣпра, правда, собрались ратники, но они не осмѣливались переправиться въ виду печенѣговъ. Плохо пришлось кіевлянамъ; но случай ихъ спасъ. Одинъ молодецъ изъ русскихъ, зная печенѣжскій языкъ, взялся спасти родной городъ. Взялъ узду, да незамѣтно и вышелъ въ печенѣжскій станъ. Ходитъ между кибитокъ, разспрашиваетъ у всѣхъ: гдѣ мой конь? да все къ рѣкѣ подвигается; печенѣгамъ и невдомекъ, что здѣсь обманъ; только тогда и догадались они, когда тотъ, достигнувъ рѣки, бросился въ нее и поплылъ. Всполошились они, да было ужъ поздно; съ другой стороны ужъ приняли его на лодкѣ. Разсказалъ своимъ молодецъ: „плохо, смерть приходитъ и княгинѣ и намъ; приходите выручать, не то мы не удержимся“. Видятъ ратники, дѣло плохо, начали думать, какъ быть: и печенѣги страшны, да и князь, вернувшись, не спуститъ имъ, что они дали убить мать его и дѣтей. Рѣшили поутру, сѣвъ въ ладьи, переплыть Днѣпръ, подступить къ городу и, захвативъ княгиню съ внучатами, быстро отплыть съ ними назадъ. Такъ и сдѣлали. Заутро русскій воевода Притигъ, посадивъ сво ъ на ладьи, приказалъ трубить. Испугались печенѣги, думали князь пріѣхалъ, и побѣжали было отъ города, такъ что дали русскимъ взять княгиню съ дѣтьми. Печенѣжскій князь увидавъ, что его обманули, пришелъ къ Притигу узнать: кто онъ и зачѣмъ пришелъ. „Я воевода Святослава, сказалъ Притигъ, иду у него въ сторожахъ; ко мнѣ идетъ самъ князь, а съ нимъ ве-

ликое множество рати". Испугался печенѣгъ. „Будь мнѣ другомъ", сказалъ онъ воеводѣ. Согласился тотъ, и помѣнялись они въ знакъ дружбы оружіемъ: печенѣгъ подарилъ коня, саблю и стрѣлы, а русскій—броню, щитъ и мечъ. Только эта хитрость и спасла Кіевъ.

Сейчасъ же извѣстили объ этой опасности Святослава. Тотчасъ же пріѣхалъ онъ на Русь, собралъ войско и прогналъ печенѣговъ въ степь. Но не сидѣлось ему дома: „Хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, говорилъ онъ матери; тамъ середина земли моей; туда свозятъ товары со всѣхъ земель; изъ Греціи золото, ткани и вина, изъ Чехіи и Венгріи—серебро и коней, отъ насъ изъ Руси: мѣха, медъ и рабовъ". Насилу-то уговорила его Ольга остаться хотя бы до ея смерти. Скоро и умерла она и похоронена была по христіанскому обряду священникомъ, привезеннымъ ею изъ Греціи. Похоронивъ мать, Святославъ вновь задумалъ уѣхать туда, куда тянула его удаль, на югъ, на Дунай, въ богатый Переяславецъ. Землю русскую раздѣлилъ онъ между дѣтьми своими: старшаго Ярополка посадилъ въ Кіевѣ, средняго Олега—въ Овручѣ, столицѣ древлянъ, а младшаго Владиміра, по просьбѣ самихъ жителей, послалъ въ Новгородъ. Подѣливъ такъ землю русскую, Святославъ ушелъ на югъ за новой славой, за новыми богатствами. Не вернуться ему больше на Русь, не видать родного города, на чужбинѣ сложитъ онъ свою храбрую, безпокойную голову.

Когда пришелъ Святославъ въ Болгарію, событія тамъ измѣнились къ худшему. Покоренные

болгары возстали, а греки, прежде сами вызвавшіе его, теперь стали его врагами. Грозная сила надвигалась надъ храбрымъ княземъ. Но онъ не унывалъ. Быстро подошелъ онъ къ Переяславцу, гдѣ заперлись возставшіе болгары, и взялъ его съ бою. Тотчасъ же послалъ Святославъ къ грекамъ вызовъ: „Хочу на васъ итти, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ и этотъ“. Зная характеръ князя, его прямоту, греки, по обыкновенію, пустились на хитрость. „Дадимъ тебѣ дань, говорили они Святославу, но скажи, сколько у тебя дружины, чтобы никого изъ рати твоей не обидѣть“.— „20000“ отвѣчалъ Святославъ, увеличивъ вдвое свою дружину, которой было не болѣе 10-ти тысячъ. Греки собрали 100 тысячъ войска и вышли противъ Святослава. Увидавъ огромное греческое войско, князь сказалъ дружинѣ своей: „Дѣваться намъ некуда, пришлось встать противъ грековъ; такъ не посрамимъ земли русской, ляжемъ костьми, мертвые сраму не имутъ; если же побѣжимъ не уйдемъ отъ стыда. Впереди пойду я и какъ сложу свою голову, сами тогда позаботьтесь о себѣ“.—„Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои головы сложимъ“, отвѣчала дружина на слова любимаго вождя. Сразились, и Святославъ побѣдилъ. Быстро шелъ онъ къ Константинополю. Напрасно прельщали его греки богатствами; изъ подарковъ только мечъ пришелся по сердцу храброму князю. Но вотъ противъ него вышелъ самъ императоръ, преемникъ Никифора, Іоаннъ Цимисхій, знаменитый полководецъ своего времени. Въ нѣсколькихъ сраженіяхъ побѣдилъ онъ Святослава, но храбро

держались руссы. Въ послѣдней битвѣ, гдѣ легла масса руссовъ, самъ Святославъ былъ сброшенъ съ ногъ грекомъ Анемасомъ, но твердая кольчуга спасла его, а вѣрные дружинники смертью отомстили врагу за вождя. Послѣ этого боя Святославъ сознался, что противостоять далѣе невозможно: онъ рѣшилъ примириться съ Цимисхіемъ, обѣщаясь уйти, изъ Болгаріи и никогда не воевать ни ея, ни черноморскихъ городовъ грековъ, такъ называемыхъ греческихъ колоній. Передъ отходомъ на родину онъ пожелалъ увидаться съ императоромъ. На берегу Дуная они и свидѣлись. Императоръ въ блестящемъ одѣяніи, со свитою, на великолѣпномъ конѣ поджидалъ Святослава. На ладьѣ, гребя наравнѣ съ другими, подплылъ къ нему князь русскій. Это былъ прекрасно сложенный мужчина, средняго роста, широкоплечій. Голубые, славянскіе глаза и плоскій носъ сильно отличали его отъ грековъ. Борода его была очень рѣдка, зато усы висѣли двумя длинными прядями; голова его была вся обрита, кромѣ чуба, висѣвшаго съ самой середины, что показывало его происхожденіе. Одѣтъ онъ былъ, какъ и прочіе руссы, только нѣсколько почище. Въ одномъ ухѣ его висѣла серьга, украшенная жемчугомъ и изумрудомъ. Побесѣдовавъ между собой, они разъѣхались. Тотчасъ же послѣ свиданія Святославъ двинулся домой. Подойдя къ порогамъ, онъ не поступилъ по обычаю, выработанному на опытѣ, не сталъ обходить пороговъ Днѣпра, а прямо рѣшилъ плыть черезъ нихъ. Напрасно Свѣнельдъ, воевода Игоревъ, отсовѣтывалъ это ему.Ославъ впередъ Свѣнельда въ Кіевъ за под-

могой, Святославъ самъ подошелъ къ порогамъ, но было уже поздно; печенѣги, извѣщенные болгарами, заступили ему путь. Видя невозможность пройти, князь рѣшился зазимовать у пороговъ, хотя это было не легко по недостатку запасовъ. Весной онъ вновь пошелъ черезъ пороги, но здѣсь встрѣтили его печенѣги съ ихъ княземъ Курею, и славный князь, имя котораго было страшной грозою для тѣхъ же печенѣговъ, палъ подъ напоромъ множества враговъ. Изъ его черепа сдѣлали чашу, окованную въ золото, и изъ нея печенѣгъ-побѣдитель пилъ, пируя на могилѣ русскаго князя.

Свѣнельдъ вернулся домой къ Ярополку. Послѣ смерти Святослава тяжело было Руси, но она выдержала смутное время. Младшій сынъ Святослава Владиміръ Святой сознался, что нельзя возвеличить Русь удальствомъ, да безполезными войнами, и пошелъ по твердому пути, который уже намѣтили ему Олегъ да Ольга, пути расширенія владычества русскихъ на сѣверѣ и борьбы съ кочевой враждебною степью.

Къ тому же времени на Русь сильно проникло уже новое ученіе Христа, такъ что сыну Святослава Владиміру можно было уже, безъ боязни для себя, открыто заявить себя христіаниномъ и ратовать за новое ученіе, стараясь на ряду съ нимъ перенести на Русь и книжное просвѣщеніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе: Славянскія племена.—Значеніе Днѣпра.—Сосѣди славянъ.—Торговля.—Города.—Варяги.—Появленіе князей.

Глава 1-ая: *Княженіе Рюрика въ Новгородѣ. Кіевскіе князья Аскольдъ и Диръ.*—Призваніе князей изъ-за моря.—Рюрикъ въ Ладогѣ.—Новгородское возстаніе.—Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ.—Ихъ войны.—Походъ въ Царьградъ.—Принятіе христіанства.

Глава 2-ая: *Княженіе Олега.*—Захватъ и значеніе Кіева.—Характеръ Олега.—Войны его.—Отношенія его къ покореннымъ племенамъ: посадники, дань.—Повозъ и полюдье.—Торговля съ Византіей.—Походъ Олега на грековъ.—Преданіе о смерти Олега.

Глава 3-я: *Княженіе Игоря:* Война съ древлянами.—Походы на Грецію.—Христіанство въ Кіевѣ.—Свѣнельдъ и его дружина.—Походъ Игоря на древлянъ и убіеніе его.—Каспійскіе походы донскихъ руссовъ.

Глава 4-я: *Ольга правительница.*—Месть Ольги древлянамъ.—Ольга—нарядница русской земли.—Принятіе христіанства.

Глава 5-я: *Княженіе Святослава.*—Войны Святослава—Набѣгъ печенѣговъ.—Война Святослава съ болгарами и греками.—Возвращеніе на родину и смерть Святослава.

Источниками при составленіи очерка служили.

1) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга I-ая, томъ I. Второе изданіе.

2) Ключевскій. Лекціи по русской исторіи. Часть I-ая.

3) Ключевскій. Пособіе къ лекціямъ по русской исторіи. Изд. 2-ое.

4) Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Для школъ и народнаго чтенія

„ОЧЕРКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ“.

Изданіе Д. И. Тимковскаго подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтеръ и М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Вышли изъ печати:

1) **Сибирь,** очеркъ С. Олферьева, съ картой Сибири (104 стр.), цѣна 12 коп. Складъ изданія въ магазинахъ „Книжное дѣло“ — Москва, Моховая ул., и „Трудъ“ — Москва, Тверская ул. *Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.*

2) **Средняя Азія,** очеркъ А. Семенова, подъ редакц. Н. Н. Харузина, съ рис. и картой (104 стр.), цѣна 15 коп. *Одобрена для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для народныхъ чтеній.*

3) **Монгольское Иго,** очеркъ Т. Лебединскаго, съ рисунками (114 стр.), цѣна 15 коп. *Допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

4) **Иванъ Грозный,** очеркъ С. Князькова (110 стр.), цѣна 15 коп. *Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

5) **Богданъ Хмельницкій,** очеркъ И. Катаева (96 стр.), цѣна 15 коп. *Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

6) **Царь Алексѣй Михайловичъ и его время,** очеркъ И. Катаева (80 стр.), цѣна 12 коп.

7) **Дмитрій Донской,** очеркъ В. Прозоровской (24 стр.), цѣна 3 коп.

8) **Владиміръ Мономахъ,** очеркъ Г. Шмелева, цѣна 5 коп.

9) **Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ,** очеркъ Л. Воронцовой (38 стр.), Цѣна 5 коп.

Готовятся къ печати очерки: „**Старая Москва**“, „**Иванъ Калита**“ и др.

Складъ изданій „Очерки по русской исторіи“ въ магазинѣ „Трудъ“—Москва, Тверская ул. **Книжнымъ складамъ и магазинамъ уступка 30%.**